

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13942

EDN: XLGDKT

Поэтика слова в иноязычной лексике «Хаджи-Мурата» Л. Н. Толстого

А. А. Щербина

Институт мировой литературы им. А. М. Горького,

Российская академия наук

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: stepup77@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественного мультилингвизма в повести «Хаджи-Мурат», который становится средством поэтики Л. Н. Толстого. Писатель владел не только западными, но и восточными языками, принимал участие в военных действиях в Чечне, был знаком с образом жизни, традициями и устным народным творчеством кавказских народов. Все это обусловило использование большого количества иноязычных слов разного происхождения при создании персонажей, материальной и языковой действительности в «Хаджи-Мурате». С их помощью воспроизводятся национальные, культурные, общественно-политические и религиозные особенности Российской империи и Кавказа. Анализ иноязычных слов позволил выявить в произведении противопоставление восточного образа мира и западного, европейского. В то же время в статье прослеживается и оценивается проникновение их компонентов в русский образ мира. При этом дифференциация персонажей происходит не только по этническому, но и по социальному, сословному признакам. Кроме того, художественный мультилингвизм стал для Толстого одним из средств передачи его идей. С помощью иноязычных слов писатель показал в «Хаджи-Мурате» элитарную направленность и распущенность искусства, негативное влияние прогресса на человека и общество, деспотизм властителей, не заботящихся о благе народа, а также жестокость и губительность войны.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Хаджи-Мурат, мультилингвизм, иноязычие, поэтика, образ мира, этнопоэтика, персонаж, символ, идея

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Русская литература: проблема мультилингвизма и обратного перевода» (проект № 23-18-00375, <https://rscf.ru/project/23-18-00375/>).

Для цитирования: Щербина А. А. Поэтика слова в иноязычной лексике «Хаджи-Мурата» Л. Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 3. С. 142–162. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13942. EDN: XLGDKT

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13942

EDN: XLGDKT

The Poetics of the Word in the Foreign Language Lexis of “Hadji Murad” by L. Tolstoy

Anna A. Shcherbinina

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: stepup77@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of artistic multilingualism in Leo Tolstoy’s short novel “Hadji Murad,” which becomes a means of the author’s poetics. The writer was proficient not only in Western, but also in Eastern languages. He had participated in military operations in Chechnya and was familiar with the customs, traditions and folklore of the Caucasus peoples. All this led to the use of a large number of foreign words of different origins in the creation of characters, material and linguistic reality in “Hadji Murad.” The author employed them to recreate the national, cultural, socio-political and religious features of the Russian Empire and the Caucasus. The analysis of foreign words made it possible to identify the contradistinction of the Eastern and the Western, European worldviews in the work. At the same time, the article examines and assesses the penetration of their components into the Russian worldview. Meanwhile, the differentiation of characters occurs not only on the basis of ethnicity, but also by social class. Besides, artistic multilingualism became one of Tolstoy’s means of conveying his ideas. By using foreign words, the writer showed in “Hadji Murad” the elitist orientation and licentiousness of art, the negative impact of progress on humans and society, the despotism of rulers who don’t care about the well-being of their people, as well as the cruelty and destructiveness of war.

Keywords: Leo Tolstoy, Hadji Murad, multilingualism, foreign language, poetics, image of the world, ethnopoetics, character, symbol, idea

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 23-18-00375, <https://rscf.ru/project/23-18-00375/>.

For citation: Shcherbinina A. A. The Poetics of the Word in the Foreign Language Lexis of “Hadji Murad” by L. Tolstoy. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2024, vol. 22, no. 3, pp. 142–162. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13942. EDN: XLGDKT (In Russ.)

В «Хаджи-Мурате» Толстого используются французские слова и выражения, а также заимствования западного и восточного происхождения. Ранее исследователи повести сосредотачивались на лексике, характерной для кавказских народов (см.: [Далгат], [Брызгалова], [Мальсагова], [Месибах], [Курмангали], [Гаджиева], [Кузнецова]), не обращаясь к европейской. В представляемой статье анализируется поэтика совокупности иноязычных слов. Исследование опиралось на концепцию А. В. Михайлова о восстановлении «первоначально задуманного смысла произведения» через «обратный перевод» [Михайлов: 44], а также на идеи В. Н. Захарова и С. В. Шешуновой об этнопоэтике и национальном образе мира как ее категории (см.: [Захаров], [Шешунова]).

Французский язык Толстой знал с детства, а в юности изучил арабский, турецкий и татарский. Около шести лет он жил в Казани, где поступил в университет на восточное отделение по разряду арабско-турецкой словесности¹. По свидетельству сестры писателя, «удивительным способностям Толстого к турецкому и татарскому языкам удивлялся готовивший его к университетским экзаменам проф. Казембек» [Молоствов, Сергеенко: 114]. На вступительных экзаменах по арабскому, турецко-татарскому, немецкому языкам он получил «5», по французскому — «5+» и по английскому — «4».

В период службы на Кавказе Толстой познакомился с местными языками. Большую часть времени он находился в Чечне. Хотя будущий писатель и принимал участие в военных походах, но также сблизился с чеченцами Садо Мисербиевым, Балтой Исаевым, Дурдой и Ботой Шамурзаевым. Он приобщился к обычаям и фольклору их народа, в транслитерированном виде записал в дневнике две чеченские песни (46: 89–90). 20 марта 1852 г. Толстой узнал о схватке Хаджи-Мурата с Арслан-ханом (46: 96), которую позже описал в повести. Кроме того, он ездил в Тифлис и Дагестан, интересовался абхазами (46: 195–196), черкесами, кабардинцами, балкарцами (46: 206, 278, 281), осетинами (46: 281), ногайцами (46: 282–284) и др. Уже в молодые годы

¹ См.: [Толстой; т. 59: 5]. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках.

Толстой хорошо различал народы Кавказа. Позже в «Хаджи-Мурате» были воспроизведены разные этнонимы (чеченцы, аварцы, кумыки, кистинка и др.), в том числе образованные от топонимов² (гимринцы, мичицкие). Задействованные для исторической реалистичности, они показывают особенности взаимодействия народов.

22, 23 и 26 августа 1851 г. Толстой отметил в дневнике, что занимался татарским языком, а спустя четыре месяца сообщил брату С. Н. Толстому об успехах:

«По-цыгански я совсем забыл, потому что выучился по-татарски» (59: 132).

Однако будущий писатель знал татарский язык еще в университете, значит, в своих записях подразумевал другой. В середине XIX в. русские обобщенно называли татарами представителей востока, мусульман [Мальсагова: 141], [Юнусов: 228]. Недавно прибывший на Кавказ Толстой по обыкновению называет изучаемый местный язык татарским. Что он осваивал в действительности, позволяет судить дневниковая запись от 10 августа 1851 г. В ней будущий писатель упоминает выбор казака Марки «своим учителем по-кумыцки» (46: 85). Позже эта замена языков была воспроизведена в «Хаджи-Мурате», когда при описании восприятия русскими персонажами действий или высказываний горцев назывался татарский, а не конкретные кавказские наречия.

У. Б. Далгат указывала, что «во времена Хаджи Мурата на Кавказе международные переговоры велись на арабском, персидском и тюркском языках. В Дагестане, на родине Хаджи Мурата, в качестве международного языка в избранных кругах употреблялся арабский язык; межплеменным языком в горах был аварский, а на равнинах — кумыкский (тюркского происхождения)» [Далгат: 265]. В «Хаджи-Мурате» горская лексика представлена в форме заимствований и транслитерации. Первые встречаются часто, много используются в авторской речи, а также при взаимодействии персонажей одной национальности или разных. Транслитерированная лексика употребляется

² Топонимы и антропонимы ранее уже были довольно подробно исследованы [Месибах], [Масолова], поэтому в этой статье не рассматриваются.

редко, в основном в высказываниях персонажей и исключительно при общении разных народностей.

Среди горских заимствований преобладает тюркское происхождение, периодически встречаются персидские и монгольские слова. С их помощью воссоздается кавказский образ мира с особенными наименованиями персонажей и предметным миром, в котором значительное внимание уделено одежде и хозяйственно-бытовым вещам. Заимствований из кавказских языков немного, но они часто употребляются и создают образ внешности горца (черкеска, бурка, папаха, шашка).

Религиозно-политическая составляющая привносится в основном благодаря заимствованиям арабского происхождения. Ислам на Кавказе был распространен арабами, и в повести, наряду с другими особенностями веры, учитывается сохранение арабских терминов. С их помощью также показаны особенности местного мироустройства: единство религии и власти, приверженность жителей разным направлениям в исламе, существование неодинаковых систем права, отношение к иноверцам.

Транслитерированная горская лексика употребляется преимущественно для сближения собеседников, хотя встречаются случаи дистанцирования. Пение мюридов «ля илляха иль алла» (35: 86) вокруг Шамиля придает ему исключительность, а в начале разговора с чиновником Кирилловым Хаджи-Мурат, используя чуждое для того слово «якши» (35: 101), выражает свою неприязнь.

Исследователи акцентировали внимание на использовании в произведении кумыкского языка. Они указывали, что с его помощью главный герой и другие представители Кавказа «объясняются с окружающими» [Далгат: 265], [Гаджиева: 52], причисляли к нему слова *йок*³, *булур*, *кошкольды*, *саубул* [Мальсагова: 143], *бар* и *баранчук* [Кузнецова: 149]. Кроме последнего, перечисленные слова присутствуют в кумыкском языке, как и *бек*, *якши*, *улан*, *не*, *хабар*⁴. Однако все они тюркского

³ Здесь и далее транслитерированные слова приводятся в написании Толстого.

⁴ См.: Магомедов А. Г. Кумыкско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1969. 408 с.

происхождения и встречаются во многих языках тюркской группы, в первую очередь в татарском и турецком. Вероятно, эти слова были выбраны в качестве средства общения персонажей из разных народов, поскольку являются межнациональными. К ним можно отнести также тюркское «айя», относящееся к татарскому и турецкому «айда», арабские «селям алейкум» и «ля илляха иль алла», общепринятые у мусульман.

К транслитерированной лексике в «Хаджи-Мурате» относятся вайнахские «ламорой» и «пильгиши», а также «марушка» и «баранчук». Слово «марушка» считали кабардинским⁵. «Баранчук» определяли как кумыкское (35: 645), [Кузнецова: 149], тюркское⁶, чечено-ингушское [Мальсагова: 145–146], предполагали, что оно является новообразованным словом «особенного наречия», изобретенным для общения русских с местным населением [Гаджиева: 52]. В. И. Даль упоминает, что «соседние с башкирами и киргизами русаки беседуют с ними на каком-то условном языке, где слышишь: баранчук (ребенок), марушка, марджа (марья, русская баба)...»⁷. Также он отмечает, что «баранчук» употребляют «в разговоре с татарскими народами»⁸. «Баранчук» и «марушка» должны рассматриваться вместе, поскольку произносятся одним персонажем в общей ситуации. Перемежаясь с межнациональным «бар», они, вероятнее всего, относятся к пиджину, который использовался между русскими и горцами.

Европейская лексика в «Хаджи-Мурате» представлена французскими словами и выражениями, а также в разной степени освоенными в русском языке заимствованиями. Французский язык используют исключительно светские люди, больше всего С. М. Воронцов и его супруга Марья Васильевна, разговаривая между собой. Домашние обращения («Marie» (35: 17), «Simon» (35: 34)) употребляются в беседе с третьими лицами, создавая атмосферу непринужденности. Диалог на французском языке

⁵ Мануйлов В. Иноязычные слова, военные термины, исторические и географические наименования... // Л. Н. Толстой. Кавказские повести. Воронеж: Центрально-черноземное кн. изд., 1973. С. 315.

⁶ Там же. С. 311.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880. Т. 1. С. XXXIX.

⁸ Там же. С. 47.

происходит, когда гости ушли: Марья Васильевна расспрашивает мужа о том, о чем он умолчал при подчиненных (35: 20). С помощью иностранного языка личная информация супругов становится завуалированной от их прислуги. С той же целью Воронцовы обмениваются французскими фразами при Хаджи-Мурате и чеченце-переводчике. Они обсуждают впечатления и планы, касающиеся гостя, утаивают разногласия. При этом в тексте встречаются русские высказывания, которые в словах автора отмечаются как французские:

«— Он прелестен, твой разбойник, — по-французски сказала Марья Васильевна мужу» (35: 31).

Вероятно, это сделано, чтобы при переводе не исказился смысл. Воронцовы и Хаджи-Мурат общаются через переводчика. Супруги для этого используют русский язык, не пытаются сблизиться посредством речи. Их собеседник говорит «по-татарски» (35: 29), но добавляет русские слова (35: 31), стремясь сократить дистанцию.

Беседа в Тифлисе за обедом у М. С. Воронцова проходит на русском и французском языках. Приглашенные используют иноязычные слова для выражения чувств, сглаживания негатива и лести. Хозяин дома употребляет их при обращении к супруге в присутствии гостей. Хотя речевая ситуация у старших и младших Воронцовых схожая, назначение французской лексики иное. С ее помощью показана светскость собравшегося общества. Ориентированность М. С. Воронцова на европейский образ жизни демонстрируется через постепенно вводимые в повествование детали. Упоминается, что он воспитывался в Англии, получил европейское образование, играет только в ломбер, нюхает французский табак и камердинер у него итальянец Джованни. В этом обществе выделяется русский генерал, прямолинейно рассказывающий о Даргинской экспедиции и не замечающий нарушения политеса. Композиционно сцена обеда у М. С. Воронцова располагается после главы о крестьянской жизни семьи Авдеевых. Так светская жизнь противопоставляется военной и народной, подчеркивается, насколько далек наместник Кавказа от происходящего и простых русских людей.

Употребление французского языка Николаем I отмечается в «Хаджи-Мурате» лишь однажды, когда он проходит по приемным залам (35: 74). При этом в посвященной ему главе увеличивается количество заимствований немецкого происхождения, отмечается родство императора с прусским королем и присутствие его представителей на обеде во дворце. С помощью этих деталей Толстой показывает благоволение русского государя немецким традициям и недоверие ко всему французскому, как к источнику революционных настроений. В эпизоде с решением судьбы студента-поляка Бжезовского акцентируется внимание на ненависти Николая I к этой нации, излишней жестокости и деспотизме государя. На этом фоне особое значение приобретают сравнение Хаджи-Мурата с Наполеоном и Мюратом на приеме у М. С. Воронцова (35: 44) и высказывание барона Ливена на обеде во дворце о том, что Польша и Кавказ — болезни России (35: 75). Прямо не связанные с Николаем I, эти замечания передают его позицию, отразившуюся в светском общественном сознании. В восприятии императора Кавказ приравнивается к Польше и Франции, свободолюбие горских народов и стремление сохранить свои традиции расценивается как вольнодумство, подлежащее искоренению.

В «Хаджи-Мурате» содержится более 180 лексем, относящихся к европейским заимствованиям. Представлены они преимущественно словами латинского происхождения, зачастую перешедшими в русский через другие европейские языки. Периодически в повести встречаются заимствования из французского и немецкого языков, а также присутствуют несколько слов из греческого, английского и итальянского. С помощью западной лексики в «Хаджи-Мурате» воспроизводится физический, предметный мир российских военных и светского общества, а также государственное устройство. Европейские заимствования задействуются при изображении медицины, искусства, образования и журналистики, что должно указывать на развитость страны, но положительное значение нивелируется из-за контекста. Авдееву «доктор долго ковырял зондом в животе и нащупал пулю, но не мог достать ее», перевязав и заклеив рану пластырем, он ушел, оставляя пациента умирать (35: 35). Во время балета «в трико маршировали сотни

обнаженных женщин» (35: 76). Студент покушался на жизнь профессора (35: 72), а редактора газеты за написание правдивой информации император приказал отдать в солдаты (35: 73–74). Дополняют образ светского общества увеселения, способствующие распушенности, а также азартные игры, алкоголь и курение. Такое воспроизведение аристократического мироустройства обусловлено личным отношением Толстого: его недоверием к медицине и высшему образованию в России, возникшим еще в молодости, а также негативным отношением к искусству и высшему свету, которое сложилось в результате изменения мировоззрения в поздний период жизни.

В «Хаджи-Мурате» прослеживается преобладание восточной лексики при изображении Кавказа и его представителей, так создается национальный образ мира. Западная лексика используется преимущественно для описания российского военного или светского общества. С ее помощью показано влияние европейского образа мира на русский. В то же время нет ни одной главы, в которой отсутствуют те или иные заимствования. Единичные слова западного происхождения выделяются среди горской лексики и наоборот, с их помощью Толстой стремится передать важные для него идеи. Так, при описании пребывания Хаджи-Мурата у Садо почти все европейские заимствования связаны с оружием и солдатами (35: 7–12). Когда главный герой рассказывает Лорис-Меликову о своей жизни с ханами, он употребляет западную лексику, связанную с военной терминологией, вином и картами (35: 50–52). Подобным образом показывается тлетворность европейского влияния на кавказский мир.

Некоторые заимствования становятся своеобразными символами. Описание выхода русских солдат за ворота крепости в секрет сопровождается упоминанием, что место дозора находилось у «сломанной чинары» (35: 12). Слово «чинара» восточного происхождения, оно символизирует кавказский мир; пересечение военными его границы, вторжение на чужую территорию влечет гибель. Фонтан с давних времен является источником жизни, в ауле Махкет около него раздаются женские и детские голоса (35: 7). Хаджи-Мурат вспоминает, как в детстве ходил с матерью за водой к фонтану (35: 105). Этот

образ становится в повести символом мирной, естественной жизни. Будучи европейским заимствованием, сначала он ассоциируется с идеей о благотворном влиянии западной цивилизации и культуры на дикие кавказские земли. Однако после военного набега «фонтан был загажен, очевидно нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть» (35: 80), дом Садо разрушен, его сына, еще мальчика, закололи штыком в спину. Военные, используя западное оружие, истребляют саму суть кавказского мира, символы жизни, веры и даже будущего.

Еще одним важным образом в «Хаджи-Мурате» являются соловьи. Ранее исследователи усматривали в их пении бесконечность борьбы за свободу, предсказание гибели и продолжение боя [Шкловский: 560, 581–582]. В объединении этого звука со свистом железа обнаруживали контраст между трагедийностью и будничностью войны [Султанов, 2008: 58–59]. Считали этих птиц жизнеутверждающим символом торжества жизни над смертью, добра над злом [Куркина: 137], видели в них «покой, умиротворение» [Мусаева: 166].

Пение соловьев описано в повести несколько раз. Первый — как только Хаджи-Мурат принял решение бежать в горы, чтобы освободить семью. Этот выбор определяет судьбу главного героя, соловьи предвосхищают развязку. Их трели усиливаются, когда Хаджи-Мурат приказывает мюридам готовить оружие. Во время этого занятия Ханефи поет о Гамзате, который в последние мгновения схватки кричит птицам, чтобы сообщили близким о его смерти «за хазават» (35: 104). В конце Хан-Магома «бодрым голосом» восклицает «Ля илляха иль алла», означающее здесь настрой на борьбу, затем следует тишина и свист соловьев. Последующие переломные моменты, отъезд из крепости и остановка на ночлег, также сопровождаются их пением. Композиционно произошедшее в ночь перед побегом повторяется с Хаджи-Муратом в финале повести. Соловьи становятся теми птицами, которые должны сообщить близким о гибели героя. Они предвестники смерти и символ скорби.

В повести наименьшее количество заимствований использует во фрагментах, связанных с Авдеевым. Их основу составляют

исконно русская лексика и слова, усвоенные в древнерусский период, именно они создают русский образ мира. На их фоне выделяются более поздние заимствования. Например, беседа Авдеева с Пановым в секрете обрамляется военной лексикой европейского происхождения (35: 14–15), а его разговор с товарищами перед смертью — медицинской и армейской (35: 35–36). В этих фрагментах также упоминаются освоенные в древнерусский период западные (вино, царствовать, трубка) и восточные заимствования (деньги, товарищ). Так в повести демонстрируется негативное европейское влияние на Россию и плодотворное восточное.

Меньше всего заимствований содержится в восьмой главе, где описывается семья Авдеевых. На их примере показана жизнь простого русского крестьянина, со своими проблемами, полная тяжелой работы от зари до зари. Далекая война для таких людей выражается в солдатчине, из-за которой у них забирают кормильцев. У Толстого основная часть русского населения дистанцирована от военных действий. Николай I командует наступлением армии, Шамиль подстрекает кавказских воинов. В итоге война вторгается в дома простых горцев и русских. В повести мало показываются прямые столкновения, сражения, но подробно описываются их последствия для обычных людей, вынужденных в них участвовать. Этим трагическим событиям посвящены отдельные главы, а обрамляющее их контрастное повествование выделяет наиболее важное для Толстого. Смерть Авдеева становится незаметной и малозначимой для русских правителей и ожидаемой в его семье, для которой уход в солдаты равнозначен гибели. Разорение аула описывается в контексте радостного празднования победы каждой из сторон конфликта. Эффект усиливается благодаря проводимым между противниками параллелям. Возвращаясь, солдаты поют «То ли дело, то ли дело, егеря, егеря!», «Как вознялась заря» (35: 78–79), а мюриды — «Ля илляха иль алла» (35: 85). Вслед за этим внимание обращается к правителям — майору Петрову и Шамилю, показывается их личная жизнь и объяснение с пленными. Для Толстого война — безжалостное, все сокрушающее бедствие, происходящее с народами по вине их властителей.

В «Хаджи-Мурате» военные события становятся фоном, на первый план выходят человеческие отношения. Из 25 глав лишь пять посвящены отдельному описанию жизни горцев и столько же повествуют о русских, в остальных изображается взаимодействие народов. Причем в главах о Кавказе упоминаются русские и наоборот. Контакт между этносами наблюдается как на физическом, вещественном уровне, так и на нематериальном.

Одним из средств дифференциации персонажей по национальному признаку и степени сближения становится оружие. Восточного происхождения шашку и кинжал используют преимущественно горцы. Кинжал появляется у русского Бульки в качестве подношения Хаджи-Мурата. Шашкой одаривается майор Петров, также она встречается у Полторацкого и генерала Слепцова, по темпераменту и молодечеству приближенных к джигитам. Огнестрельное оружие в повести представлено западной лексикой: пистолет и винтовка европейского происхождения, а ружье — русского. Однако пистолеты применяют только горцы, к их амуниции относится и винтовка. Российские солдаты задействуют ружья. Лишь дважды на стороне русских фигурирует винтовка: у часто взаимодействующего с горцами урядника Назарова и милиционеров, которые на Кавказе набирались из местного населения. Горцы используют ружье только при взаимодействии с русскими. Толстой разграничивает стороны с помощью видов оружия:

«...послышался бодрящий, красивый звук винтовочного, резко щелкнувшего выстрела, и пулька, весело посвистывая, пролетела где-то в туманном воздухе и щелкнулась в дерево. Несколько грузно-громких выстрелов солдатских ружей ответили на неприятельский выстрел» (35: 26).

Еще одной чертой солдатского облика становится штык, также являющийся средством дифференциации, что прослеживается в провозглашении Шамиля:

«Если бы не вразумил вас тогда, в 1840 году, Бог, вы бы уже были солдатами и ходили вместо кинжалов со штыками...» (35: 88–89).

Через использование горцами огнестрельного оружия писатель показывает наращение военного потенциала и европейское пагубное влияние, отдаляющие народы от мира.

На материальном уровне проявляется одна тенденция: чем больше сближаются русские из числа военных с горцами, тем больше предметов кавказского мира появляется в их образе. Солдаты в секрете, егеря и русский генерал в набеге носят папахи, генерал Слепцов и майор Петров используют шашки. Авдеев, беседовавший с одним из горцев, предстает в папахе и налаживает чубук. Полторацкий, первым встретивший Хаджи-Мурата на русской стороне и обменявшийся с ним улыбками, наделяется папахой и шашкой. Бутлер, ставший кунаком главного героя, помимо папахи и шашки «завел себе бешмет, черкеску, ноговицы, и ему казалось, что он сам горец и что живет такую же, как и эти люди, жизнью» (35: 92).

Толстой был прекрасным наездником и знатоком лошадей. При описании некоторых персонажей в «Хаджи-Мурате» он упоминает породу, особенности коней, характеризуя тем самым и хозяев. Кони горцев — с Востока. Сопровождающий Хаджи-Мурата офицер кавказского происхождения изображается на «высокой, щеголеватой карабахской лошади» (35: 82). Главный герой уходит от погони казаков на местном выносливом «белом кабардинце» (35: 111). Шамиль восседает на благородном, уникальном по масти, «арабском белом коне» (35: 85–86), который демонстрирует его статус. Русские майор Петров и урядник Назаров используют обычных, удобных в обращении мерин (35: 93, 111). Полторацкий появляется на «маленьком караковом кабардинце» (35: 26), что показывает ассимилированность персонажа в кавказской среде и предвосхищает его взаимодействие с главным героем. Князь С. М. Воронцов предстает на английском жеребце и чуть позже с «аглицким акцентом» (35: 27, 29) заговаривает с солдатом: европейские атрибуты отдаляют его и от горцев, и от русского народа.

В «Хаджи-Мурате» укрепление дружбы и мира между нациями происходит благодаря куначеству, что ранее уже отмечали исследователи (см.: [Танкиев: 87], [Гудаков: 74], [Султанов, 2014: 65–66], [Манкиева: 144–145]). Однако они не прибегали к сравнению особенностей побратимства разных персонажей.

В повести куначество является элементом кавказского образа мира. Центральной фигурой, задействованной в этой традиции, становится Хаджи-Мурат. Его кунаками оказываются Садо, С. М. Воронцов и Бутлер. Для горцев этот обычай неотъемлемая, естественная часть жизни. Садо заговаривает о куначестве, чтобы предупредить об опасности и уверить в готовности помочь всем необходимым. Он с искренней радостью и гордостью исполняет свой долг, и Хаджи-Мурат отвечает ему непритворными пожеланиями: «Да получишь ты радость и жизнь» (35: 12). Описывая их взаимоотношения, Толстой показывает настоящее куначество равных и демонстрирует наиболее сложные правила обычая, защиту и самопожертвование.

В случае с С. М. Воронцовым Хаджи-Мурат называет его своим кунаком при встрече с Марьей Васильевной. Он знакомит супругов с правилом одаривания, преподнеся их сыну кинжал. В обществе Воронцовых приветливость и обходительность Хаджи-Мурата наносные, он все время остается настороже, выражение удовольствия и ласковости сходит с его лица, как только он остается один. Обычай становится инструментом налаживания отношений с человеком, от которого зависит его судьба. Хотя оба персонажа заинтересованы в сближении, каждый преследует свои цели, и из-за неравного положения между ними сохраняется дистанция.

Бутлера Хаджи-Мурат тоже первый называет кунаком, но, в отличие от С. М. Воронцова, это происходит в конце их общения и становится кульминацией дружеской привязанности. Как и с Садо, отношения между ними равноправные и непритворные, при этом с Бутлером они обоюдно именуется кунаками. Термин используется при прощании, поэтому проявляется только одно правило обычая — помнить об их связи. На примере этого общения Толстой показывает, что вне военных действий при стремлении сторон к сближению возможно мирное сосуществование и искреннее содружество.

В повести встречаются и другие упоминания куначества. В письме-донесении М. С. Воронцов отмечает, что Хаджи-Мурат считает его сына «кунаком (приятелем)» (35: 63). Так подчеркивается важность наместника в деле, но не предоставляется повод усомниться в природе этого взаимодействия. Сходную

функцию выполняет связанное с куначеством понятие «пешкеш». Сообщая Лорис-Меликову, что часы — подарок С. М. Воронцова (35: 53), Хаджи-Мурат дает понять о своей близости к лицам, наделенным властью, повышая собственную значимость. Использование обычаев в честолюбивых целях не приводит к сближению.

Дистанцированность показана при употреблении понятия «кунак» урядником Назаровым, который пытался догнать конвоируемого Хаджи-Мурата. Не являясь настоящим кунаком, он окликает удаляющегося подопечного, вкладывая в это понятие не кавказское значение, а русское. Сопровождающие не понимают сложившуюся ситуацию из-за разницы в положении сторон, мешающей сближению казаков и горцев, эта дистанция приводит к кровопролитию.

Главным условием мира в повести Толстого становится стремление персонажей к взаимопониманию, которое выражается в использовании элементов национального образа мира противоположной стороны. Искренний интерес к жизни горцев проявляет Авдеев. Хотя он сопровождает парламентариев противника, это не мешает ему относиться к ним как к равным. Употребляя при обращении восточные слова и пиджин, он показывает намерение к сближению, которое приводит к тому, что они «разговорились» о близкой и естественной для каждого теме семьи (35: 16). Подобным способом сходится Бутлер с Хаджи-Муратом. С первой встречи он располагает к себе собеседника дружелюбным отношением и межнациональным приветствием. Хаджи-Мурат отвечает сходным пожеланием и делает еще один шаг к сближению — протягивает руку (35: 82). При описании их дальнейшего взаимодействия отмечается, что они общаются не только через переводчика, но и «собственными средствами, знаками и, главное, улыбками» (35: 91). Толстой акцентирует внимание читателя на исключительном отношении Хаджи-Мурата к Бутлеру. В беседе с ним главный герой добавляет русскую лексику, делится известиями о семье и советует, как поступить, мюриды стараются ему угодить. Еще одной высокой формой доверия становится приобщение русского офицера к кавказскому фольклору.

Сближение Хаджи-Мурата с Марьей Дмитриевной, как и с Бутлером, происходит сразу. Она предлагает Ивану Матвеевичу

расположить приехавшего в кунацкой, относясь к нему как к гостю. Ее простое сердечное обращение, участие в переговорах о семье Хаджи-Мурата вызвали в нем ответные доброжелательные чувства. В отличие от солдат и офицеров, она судит по делам и оценивает человеческие качества:

«— Неделю у нас прожил; кроме хорошего ничего от него не видали <...>. Обходительный, умный, справедливый» (35: 95).

Перед отъездом Хаджи-Мурат дарит Марье Дмитриевне белую бурку. Этот цвет в исламе тесно связан с пророком Мухаммедом и Богом, является символом нравственной чистоты и света. Бурка на Кавказе изготовлялась преимущественно женщинами и за ее универсальность называлась «домом на плечах». Во время прощания с Хаджи-Муратом Марья Дмитриевна трижды повторяет «дай Бог» и желает ему выручить семью (35: 93, 95). При обращении к ней он употребляет русские слова и называет ее «матушкой» (35: 95). В повести Марья Дмитриевна становится единственным персонажем, в котором сочетаются созидательное и божественное начало. Вероятно, благодаря ей сглаживаются отношения между Хаджи-Муратом и Иваном Матвеевичем. Майор Петров встретил главного героя скорее как пленника, но, когда тот уезжает, устраивает в его честь празднество, где Хаджи-Мурат дарит Ивану Матвеевичу шашку. После нападения Арслан-Хана, майор Петров негодует:

«— Что же это ты, Арслан, у меня в доме затеял такую гадость! <...> Нехорошо это, брат. В поле две воли, а что же у меня резню такую затевать» (35: 94).

Его слова напоминают фразу Садо:

«У меня в доме <...> моему кунаку, пока я жив, никто ничего не делает» (35: 9).

Употребленная пословица семантически схожа с ответом Хаджи-Мурата, готовым умереть от рук Арслан-Хана в дороге, если на то будет воля Аллаха (35: 95). Персонажи единодушны в гостеприимстве и покорности высшим силам. Толстой показывает, как через личное отношение, язык и традиции представители русского и кавказских народов могут достичь единения на высшем, духовном уровне.

В повести «Хаджи-Мурат» иноязычные слова выполняют функцию средств художественной выразительности, они используются при создании внешнего облика и характера персонажей, передаче взаимоотношений героев, воссоздании пространства и выражении идейного содержания произведения. С помощью восточной лексики формируется кавказский образ мира, изображается взаимодействие русского и горских народов. Посредством слов из европейских языков отображается негативное западное влияние на русский и кавказский мир. При этом ключевой идеей повести становится единение всех людей.

Список литературы

1. Брызгалова Е. Н. Композиция и читательская адресованность «Хаджи-Мурата» Л. Толстого // Проблемы комплексного восприятия художественной литературы. Калинин: КГУ, 1984. С. 71–78.
2. Гаджиева А. А. Билингвизм в творчестве русских писателей (на примере повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат») // Проблема жанра в филологии: мат-лы XV Всерос. науч.-практ. конф. (Махачкала, 16–18 декабря 2020 г.). Махачкала: ДГУ, 2020. Вып. 16. С. 49–55.
3. Гудаков В. В. Произведения Льва Толстого и Александра Дюма о Кавказе как этнологический источник // Русская литература. 2004. № 2. С. 65–79.
4. Далгат У. Б. Литература и фольклор: теоретические аспекты. М.: Наука, 1981. 303 с.
5. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (10.06.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. EDN: IFROFH
6. Кузнецова А. В. Культурный код в тексте повести «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого: прагматика эстетической когниции // Духовное наследие Л. Н. Толстого в контексте мировой литературы и культуры: сб. мат-лов XXXVII Междунар. Толстовских чтений. Тула: ТГПУ, 2020. С. 146–151.
7. Куркина Т. Н. Тема кавказской войны в творчестве Л. Н. Толстого // Толстовский сборник. Л. Н. Толстой и судьбы современной цивилизации: в 2 ч. Тула: ТГПУ, 2003. Ч. 1. С. 122–138.
8. Курмангали А. Ж. Тюркизмы в повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат» // В мире научных открытий: мат-лы XIX Междунар. науч.-практ. конф. М.: Перо, 2016. С. 110–114.
9. Мальсагова А. М. Восточная лексика в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Л. Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд., 1989. С. 138–150.

10. Манкиева Э. Х. Особенности «гендерной» философии Л. Н. Толстого (на материале повести «Хаджи-Мурат») // Stephanos. 2017. № 5 (25). С. 141–147.
11. Масолова Е. А. Антропонимы в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 158–173 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530269858.pdf (10.06.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5143. EDN: XRQKCT
12. Месибих А. Теоретические основы комплексного анализа поликультурного художественного текста: на материале повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 192 с.
13. Михайлов А. В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 560 с.
14. Молоствов Н. Г., Сергеенко П. А. Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество. 1828–1908 гг. СПб.: П. П. Сошкин, [1909–1910]. 147 с.
15. Мусаева С. А. Элементы устного народного творчества как вспомогательное средство раскрытия характеров в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 24 (657). С. 164–170 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18366391&ysclid=Izgqrcsdmj110368247> (10.06.2024). EDN: PLXSEN
16. Султанов К. К. «Хаджи-Мурат» Л. Толстого: встреча культурных миров // Литературная классика в диалоге культур. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Вып. 1. С. 41–64.
17. Султанов К. К. «Сторонний» или «незнаемый»? Диалогизация как структурно-семантический принцип в «кавказских» текстах Л. Толстого // Литературная классика в диалоге культур. М.: ИМЛИ РАН, 2014. Вып. 3. С. 49–76.
18. Танкиев А. Х. Элементы народного общественного сознания вайнахов в кавказских произведениях Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд., 1989. С. 81–89.
19. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Юбил. изд. М.: Худож. лит., 1928–1958.
20. Шешунова С. В. Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8. С. 6–16 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2589> (18.02.2024). EDN: RUYMCT
21. Шкловский В. Б. О «Хаджи-Мурате» // Избранное: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 1. С. 556–584.
22. Юнусов И. Ш. Этноним «татарин» в поэтике Л. Н. Толстого // Филология и культура. 2021. № 2 (64). С. 225–233 [Электронный ресурс]. URL: <https://filkult.elpub.ru/jour/article/view/356> (10.06.2024). DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-225-233

References

1. Bryzgalova E. N. The Composition and Reader-Centricity of “Hadji Murad” by L. Tolstoy. In: *Problemy kompleksnogo vospriyatiya khudozhestvennoy literatury* [Problems of Complex Perception of Fiction]. Kalinin, Kalinin State University Publ., 1984, pp. 71–78. (In Russ.)
2. Gadzhieva A. A. Bilingualism in the Works of Russian Writers (on the Example of the Short Novel by L. Tolstoy “Hadji-Murad”). In: *Problema zhanra v filologii: materialy XV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Makhachkala, 16–18 dekabrya 2020 g.) [The Problem of Genre in Philology: Proceedings of the 15th All-Russian Scientific and Practical Conference (Makhachkala, December 16–18, 2020)]. Makhachkala, Dagestan State University Publ., 2020, issue 16, pp. 49–55. (In Russ.)
3. Gudakov V. V. The Works of Leo Tolstoy and Alexandre Dumas on the Caucasus as an Ethnological Source. In: *Russkaya literatura*, 2004, no. 2, pp. 65–79. (In Russ.)
4. Dalgat U. B. *Literatura i fol'klor: teoreticheskie aspekty* [Literature and Folklore: Theoretical Aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 303 p. (In Russ.)
5. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on June 10, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. EDN: IFROFH (In Russ.)
6. Kuznetsova A. V. The Cultural Code in the Short Novel “Hadji-Murad” by L. N. Tolstoy: the Pragmatics of Aesthetic Cognition. In: *Dukhovnoe nasledie L. N. Tolstogo v kontekste mirovoy literatury i kul'tury: sbornik materialov XXXVII Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chteniy* [The Spiritual Heritage of L. N. Tolstoy in the Context of World Literature and Culture: a Collection of Materials from the 37th International Tolstoy Readings]. Tula, Tula State Pedagogical University Named After L. N. Tolstoy Publ., 2020, pp. 146–151. (In Russ.)
7. Kurkina T. N. The Theme of the Caucasian War in the Works of L. N. Tolstoy. In: *Tolstovskiy sbornik. L. N. Tolstoy i sud'by sovremennoy tsvivilizatsii: v 2 chastyakh* [Tolstoy Collection. L. N. Tolstoy and the Fate of Modern Civilization: in 2 Parts]. Tula, Tula State Pedagogical University Named After L. N. Tolstoy Publ., 2003, part 1, pp. 122–138. (In Russ.)
8. Kurmangali A. Zh. Turkisms in L. Tolstoy’s Short Novel “Hadji-Murad”. In: *V mire nauchnykh otkrytiy: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [In the World of Scientific Discoveries: Proceedings of the 19th International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Pero Publ., 2016, pp. 110–114. (In Russ.)
9. Mal'sagova A. M. Oriental Lexis in L. Tolstoy’s Short Novel “Hadji-Murad”. In: *L. N. Tolstoy i Checheno-Ingushetiya* [Leo Tolstoy and Chechen-Ingushetia]. Grozny, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989, pp. 138–150. (In Russ.)

10. Mankieva E. Kh. Specifics of L. N. Tolstoy "Gender" Philosophy ("Hadji Murad"). In: *Stephanos*, 2017, no. 5 (25), pp. 141–147. (In Russ.)
11. Masolova E. A. Anthroponyms in L. N. Tolstoy's Short Novel "Hadji-Murad". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 158–173. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530269858.pdf (accessed on June 10, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5143. EDN: XRQKST (In Russ.)
12. Mesibakh A. *Teoreticheskie osnovy kompleksnogo analiza polikul'turnogo khudozhestvennogo teksta: na materiale povesti L. N. Tolstogo "Khadzhi-Murad": dis. ... kand. filol. nauk [Theoretical Foundations of a Comprehensive Analysis of a Multicultural Literary Text: Based on the Short Novel by L. N. Tolstoy "Hadji-Murad". PhD. philol. sci. diss.]*. Moscow, 2005. 192 p. (In Russ.)
13. Mikhaylov A. V. *Izbrannoe. Istoricheskaya poetika i germeneytika [Selected Works. Historical Poetics and Hermeneutics]*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006. 560 p. (In Russ.)
14. Molostvov N. G., Sergeenko P. A. *L. N. Tolstoy. Zhizn' i tvorchestvo. 1828–1908 gg. [L. N. Tolstoy. Life and Works. 1828–1908]*. St. Petersburg, P. P. Soykin Publ., 1909–1910. 147 p. (In Russ.)
15. Musaeva S. A. The Elements of Oral Folk Arts as a Complementary Means of Revealing Characters in L. N. Tolstoy's Short Novel "Hadji Murad". In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities]*, 2012, issue 24 (657), pp. 164–170. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18366391&ysclid=izgqrscdmj110368247> (accessed on June 10, 2024). EDN: PLXSEN (In Russ.)
16. Sultanov K. K. "Hadji Murad" by L. Tolstoy: a Meeting of Cultural Worlds. In: *Literaturnaya klassika v dialoge kul'tur [Literary Classics in the Dialogue of Cultures]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, issue 1, pp. 41–64. (In Russ.)
17. Sultanov K. K. "Stranger" or "Unknown"? Dialogization as a Structural-Semantic Principle in the "Caucasian" Texts of L. Tolstoy. In: *Literaturnaya klassika v dialoge kul'tur [Literary Classics in the Dialogue of Cultures]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014, issue 3, pp. 49–76. (In Russ.)
18. Tankiev A. Kh. The Elements of the Folk Social Consciousness of the Vainakhs in the Caucasian Works of L. N. Tolstoy. In: *L. N. Tolstoy i Checheno-Ingushetiya [Leo Tolstoy and Chechen-Ingushetia]*. Grozny, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989, pp. 81–89. (In Russ.)
19. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 tomakh [The Complete Works: in 90 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1958. (In Russ.)
20. Sheshunova S. V. National Image of the World as an Ethnopoetical Category in Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ.,

- 2008, vol. 8, pp. 6–16. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2589> (accessed on June 10, 2024). EDN: RUYMCT (In Russ.)
21. Shklovskiy V. B. About “Hadji Murad”. In: *Izbrannoe: v 2 tomakh [Selected Works: in 2 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983, vol. 1, pp. 556–584. (In Russ.)
22. Yunusov I. Sh. Ethnonym “a Tatar” in Leo Tolstoy’s Poetics. In: *Filologiya i kul’tura [Philology and Culture]*, 2021, no. 2 (64), pp. 225–233. Available at: <https://filkult.elpub.ru/jour/article/view/356> (accessed on June 10, 2024). DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-225-233 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Щербинина Анна Андреевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1549-0770>; e-mail: stepup77@rambler.ru.

Anna A. Shcherbinina, PhD (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1549-0770>; e-mail: stepup77@rambler.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.06.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.08.2024

Принята к публикации / Accepted 18.08.2024

Дата публикации / Date of publication 12.09.2024